

Методика и практика краеведческих исследований

С.И. Баранова

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИЗРАЗЦА XVII в.

Статья посвящена истории изучения и сохранения (реставрация и коллекционирование) архитектурных изразцов Москвы XVII в. Возникший в середине XIX в. интерес к изразцу как к яркому проявлению национального искусства и архитектуры стал возможен благодаря формированию методов отечественной реставрации и коллекционирования. Созданные исследователями и реставраторами прошлого подходы к изучению и сохранению московского архитектурного изразца позволили спасти памятники изразцового искусства в годы массового сноса зданий Москвы.

Ключевые слова: памятник, изразец, декор, закраска, реставрация, коллекционирование, охрана памятников.

Изразец – явление общероссийское. С конца XV столетия ему всё чаще отводили особое место в структуре здания; в XVII в., особенно во второй половине, изразец начал играть первостепенную роль в наружном облике зданий и интерьерах. При этом он всегда оставался приметой московского вкуса. Эти утверждения связаны с выявлением и изучением всего сохранившегося круга московских изразцов, которое позволяет с большей уверенностью говорить о широком распространении столичных изделий на всей территории Русского государства¹. Поэтому углубленное изучение московского изразца дает возможность по-новому интерпретировать многие стороны процессов исследуемой эпохи, их содержание и роль в русской истории².

В XIX в. русский изразец был по праву отнесен к разряду интереснейших проявлений национального искусства и архитектуры. Однако эта привычная и не вызывающая сомнений оценка далеко

не сразу стала бесспорной. Процесс постижения архитектурно-художественной ценности русского изразца проходил постепенно на протяжении XIX в. и был теснейшим образом связан со стилистическими исканиями того времени. Зримой вехой в восприятии изразцовой традиции стало включение ее исследователями в процесс формирования русского стиля.

Интерес к национальному архитектурному наследию, в том числе и к памятникам с изразцовым убранством, обрел черты целенаправленного исследования только с середины XIX столетия. К этому времени общество ощутило потребность в выработке четких представлений об этом явлении, которое на протяжении XVIII – раннего XIX в. воспринималось как «варварское».

Обстоятельства пробуждения интереса к изразцам во многом сродни открытию русской иконы, о богатстве которой из-за скрытых под потемневшими слоями оливы изображений долго не подозревали. В 1917 г. известный исследователь русского изразца А.В. Филиппов писал: «Из числа наиболее известных памятников древнего русского искусства многие дошли до нас со следами давних искажений. Перемена вкусов, равнодушие к искусству и невежество способствовали порче древней русской иконы поздними записями, обезображивали архитектуру храмов и жилищ невероятными переделками и пристройками, <...> замазывать масляными красками древние изразцы и т. п.

К счастью, не все последствия столь недостойного искажения первоначального вида памятников искусства безнадежно неустранимы. Так, в наши дни путем удаления потемневшей олифы и поздних записей оживает первоначальная красота колорита древней нашей живописи, открывается русская икона»³.

Многие сохранившиеся в Москве изразцовые декоры погибли или претерпели значительные утраты в ходе перестроек, приводивших часто к полному уничтожению здания или его архитектурных слоев, к сокрытию их остатков под закладками и толстыми слоями штукатурки или закраске, полностью изменившей их образ. Подобные кардинальные реконструкции создавали значительные трудности в изучении изразцового декора московских памятников. Более того, зачастую, приступая к работам, исследователи не подозревали о его существовании. Так, в ходе работ в церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду в конце 1920-х гг. фасадный изразцовый декор открылся только после снятия толстого слоя штукатурки⁴.

Также подлинные изразцы долго «маскировались» из-за повсеместно принятой практики закрашивания их многочисленными слоями масляной краски. Неоднократно закрашивались уникаль-

ные керамические иконы с изображением евангелистов на церкви Успения в Гончарах. В 1914 г. Е. Шмидт писал: «Восьмиугольный барабан украшен четырьмя изразцовыми фигурами святых. <...> Изображения сделаны рельефно и теперь покрыты масляной краской. К сожалению, нижняя часть одежды и ноги вырублены, тоже во время перестройки...»⁵.

Многие известные исследователи и архитекторы терпимо относились к закраске изразцов масляной краской, но это постоянно приводило к ошибкам в представлениях о подлинных объектах. Архитектор Н.В. Султанов писал, что «подобное “варварство” может только возмутить всякого любителя художественной старины, что мы лично испытали при осмотре памятника. Но это “варварство” оказывается не только полезной, но даже просто необходимой мерой: изразцы местами до такой степени попортились и облупились, что оставлять их в таком виде было положительно невозможно»⁶.

В 1916 г. при реставрации изразцового декора Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря А.В. Филиппов насчитал на изразцах более двадцати слоев масляной краски, чередовавшейся с побелками, и после проведения промывки наличника записал: «Предпринятая по поручению нашего общества работа по отмывке закрашенных масляною краскою изразцов в более или менее заметном масштабе производится, насколько мне известно, в Новом Иерусалиме, да и вообще в России, впервые»⁷. Это не совсем так. Еще в 1899 г. «Московские ведомости» писали: «Так как колокольня при церкви Св. Николая Явл[енного] может и должна служить образцом византийско-русского зодчества, то непростительно было при ее поновлении не привести ее в первоначальный вид и лишать ее тех немногих украшений, какими она наделена была при своем возникновении. Карниз и фриз, а также кассетоны в нижней части осмерика украшены вставленными отливными изразцами, по видимому очень затейливого рисунка. Но вследствие небрежности, скорее же невежества рабочих, которые ранее неоднократно производили окраску колокольни, изразцовые украшения постоянно закрыты для глаз. При настоящем поновлении колокольни они не были промыты и снова покрыты были густым слоем масляной краски... Благодаря участию последнего при поновлении, произведенном в недавнее время, шатровой колокольни при церкви Св. Троицы в Зубове, все цветные изразцы, прежде закрашенные, были промыты и остаются теперь открытыми, придавая зданию законченность и стильность»⁸.

Реставрационное «открытие» изразцов, представших в их подлинном виде, дало новый толчок к их изучению. Участник реставра-

ции Крутицкого теремка А.В. Филиппов в 1938 г. писал: «Толчком к изучению древнерусской архитектурной керамики послужила практическая работа по реставрации изразцовой облицовки Крутицкого терема в Москве; в этой работе автор принимал участие в 1912–1913 гг. Несоответствие вида и обработки древних изразцов этого выдающегося архитектурного и керамического памятника сведениям о них, имевшимся в тогдашней научной литературе, поставило перед автором задачу основательного изучения древнерусского изразцового дела непосредственно на сохранившихся памятниках»⁹. Это отмечалось и позднее: «Изучение изразцов XVII в. явилось базой для связанных с ними реставрационных работ, начавшихся на рубеже XIX и XX столетий»¹⁰.

Неслучаен интерес к изразцу ведущих русских архитекторов прошлого, не только заложивших основы отечественной реставрации, в том числе и изразцового декора, но и ставших первыми его исследователями, – Ф.Ф. Рихтера¹¹, Н.В. Султанова. Деятельность этих архитекторов была чрезвычайно обширна, но в ней нашлось место исследованию, сохранению, изучению и реставрации изразца.

В середине XIX в. архитектор и реставратор Ф.Ф. Рихтер, воссоздавая памятники XVII в. в Кремле и Китай-городе, начал собирать информацию об изразцах, используя две методики: он одновременно фиксировал древние объекты (т. е. выявлял, обмерял и зарисовывал) и «реставрировал» их (возьмем слово в кавычки, так как в сегодняшнем понимании скорее стилизовал и проектировал новые памятники). Результаты этих работ архитектор суммировал, опубликовав в знаменитом увраже, вышедшем в 1850 г., «Памятники древнего русского зодчества, снятые с природы и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высеки и живописи»¹². Сам процесс обследования древних объектов представлял полноценное для своего времени натурное исследование, и пусть оно не было опубликовано в принятых сегодня формах, накопленные знания отразились в графических и натуральных реконструкциях, которые дошли до нас и могут использоваться как адекватный источник. В «Памятниках древнего русского зодчества...» впервые приведена фиксация изразцового декора церковью Теремного дворца в Московском Кремле, Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря, Крутицкого теремка, церкви Николая на Берсеневке. Особое внимание Рихтер обратил на выдающееся керамическое убранство Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря, отметив, что «ни в одном другом древнем храме ценные и изразчатые

украшения не употреблены с такой роскошью и в таком множестве, как здесь»¹³. Несмотря на слишком мелкий масштаб, переданный с искажением цвет эмалей и рисунок орнамента, издание обладает несомненной ценностью для истории науки.

Одновременно с работой Рихтера и отчасти в связи с ней выходят в свет первые исследования, в которых историками-архивистами сделаны попытки собрать письменные источники для изучения изразца и составить на этой основе историю их производства. В первую очередь это небольшая работа И.Е. Забелина (1853)¹⁴, которая носила тем не менее программный характер. И.Е. Забелин приложил усилия, чтобы воскресить имена мастеров-изразечников, объяснить происхождение слова «ценина». Он сформулировал свой собственный взгляд на развитие ценных изделий и даже предложил первую классификацию изразцов «сообразно их назначению в кладке».

Таким образом, во второй половине XIX в. сформировались две группы работ с определенными подходами к изучению изразца, которые можно условно назвать «архитектурно-реставрационным» и «архивным» и которые существуют до настоящего времени. На основе их синтеза вскоре были предприняты попытки исчерпывающим образом осветить *всю* историю изразца, включая особенности его размещения на зданиях (в том числе Москвы). Первая такая попытка была предпринята Н.В. Султановым в его новаторском для того времени труде¹⁵, входящем в направление, заданное Ф.Ф. Рихтером (тем более что Султанов был не столько историком, сколько архитектором-практиком, реставратором и проектировщиком, работавшим в «русском стиле»). В 1878–1880 гг. под руководством Н.В. Султанова была выполнена реставрация, в том числе изразцов здания церкви Троицы в Останкине¹⁶.

Одновременно с развитием реставрации в XIX в. формировалась традиция сохранения изразцов как части уникального подлинного декора памятников, и это были взаимодополняющие процессы. Можно считать, что ее зарождение сопряжено с разборкой в 1874 г. изразцового убранства здания Главной аптеки (1699–1701 гг.) в связи с планами строительства на этом месте Исторического музея. «Управление Исторического музея сообщило Обществу (Московское архитектурное общество. – С. Б.), что Московская Городская Дума пожертвовала для музея участок земли на Красной площади, на котором находится здание бывших присутственных мест. Признавая историческое значение этого здания и намереваясь приступить к сломке его для постройки музея, оно предлагало Архитектурному обществу сделать снимки со здания или в общем виде, или

в его частностях. Архитектор Н.В. Никитин, осматривавший здание перед сносом, сообщает, что «ни одна часть облицовки здания, как то: отделка окон, карнизов – не сохранилась в целости. Некоторые детали, например керамические колонки, башни, заменены деревянными, остались на месте только их базы, покрытые желтой поливой, и разноцветные кронштейны»¹⁷.

По решению комиссии была проделана значительная работа по снятию чертежей здания, копий с некоторых украшений и т. д.: «...приняты все меры к поспешному снятию рисунков частей здания, наиболее сохранившихся от поздних переделок. С фасадов здания снято 850 штук цельных изразцов с рельефными украшениями и разноцветной поливой. Также взята одна капитель, высеченная из цельного белого камня (московский известняк)»¹⁸. Однако всего спасти не удалось: «...коллекция составляет малую часть того, что побито при разрушении здания, и едва ли будет возможно подобрать из них хотя бы одну полную коллекцию»¹⁹. Причиной этого явилось то, что «разрушение здания производилось с большой поспешностью; стены его опрокидывали целиком, а не разбирали»²⁰.

Таким образом, были сохранены фрагменты уникального декора здания, которые были сразу переданы в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для всеобщего обозрения, а затем оказались в собрании Исторического музея. При этом отмечалось, что «коллекция, собранная Архитектурным Обществом и открытая для публики, дает понятие о богатом материале, прежде бывшем в употреблении и теперь только обратившем на себя внимание, – и, надо ожидать, даст сильный толчок развитию заглохнувшего было русского гончарного дела»²¹.

Действительно, эти события дали «сильный толчок» к исследованию и формированию музейных коллекций изразцов. Этот подход не только сохранял изразец, придавая ему статус музейного предмета, но и обеспечивал изучение отдельно взятого изразца, рассматриваемого не как часть большой серии или фрагмент сооружения и не как «виртуальный» объект, упоминаемый в документе, а как вещь в составе музейной коллекции²². Так, первые записи о поступлении в Исторический музей изразцов были сделаны рукой одного из создателей музея историка И.Е. Забелина. В 1888 г., принимая большую коллекцию печных изразцов с сюжетной росписью, Забелин записал, что она «дает богатый материал для изучения русского орнамента и в иных случаях костюма»²³. Всего за этот год в музей на хранение было принято 680 изразцов.

Создаваемая коллекция вызвала интерес и у членов императорской семьи. В дневнике И.Е. Забелина от 11 января 1889 г. есть запись о посещении музея великим князем, который «особенно был доволен разнообразием собираемых изразцов»²⁴. В 1891 г. после приезда в музей великой княгини историк пишет: «Великая княгиня расспросила о находках в Кремле, что замечательного. Я указал на богатство изразцов»²⁵. В 1893 г. «согласно воле почившего императора Александра III в музей препровождены Комитетом по сооружению в Москве памятника Александру II 196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов»²⁶.

Обращение к русской истории, ярко проявившееся в XIX в. и давшее импульс для развития важнейшего направления в искусстве того времени – историзма, всегда имело поддержку императорской семьи. В царствование Александра III это искусство приобрело «программное» значение. Поэтому древнерусский изразец рассматривался и императором, и обществом как символ национальных традиций.

Последовавший после 1917 г. этап пополнения музейных собраний изразцами трудно назвать коллекционированием. Он связан со сносом церквей и древних зданий, начавшимся в эпоху воинствующего атеизма в 1920–1930-е гг. Сроки сноса были таковы, что об обмере или сохранении хотя бы частей здания зачастую невозможно было и думать. Об «ударных» темпах сноса памятников красноречиво говорят документы. Архитекторам, реставраторам и музейным работникам пришлось проявить кроме знаний незаурядную настойчивость, смелость, организационные способности. Многие из этих людей могут быть справедливо названы подвижниками, благодаря которым сохранились фрагменты московских зданий и сведения о них. Одним из них был первый директор музея в бывшем царском селе Коломенское Петр Дмитриевич Барановский. Благодаря его усилиям в Коломенском хранится выдающаяся коллекция изразцов²⁷.

Характерна история поступления в музей «Коломенское» изразцов уже упоминавшейся церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду, связанная с начавшимися в 1923 г. исследованиями и реставрацией дворца князя В. Голицына²⁸. В 1928 г., когда угроза сноса стала реальной и существенно изменила течение работ, протоколы заседаний Комиссии по архитектурной реставрации отразили драматическую ситуацию лихорадочного изучения, обследования и фиксации памятника²⁹. Все попытки спасти памятник оказались безуспешны. Постановление президиума ВЦИК от 21.V.1928 г. утвердило решение Моссовета о сносе церкви Параскевы Пятницы в

Охотном ряду и приостановке восстановления домов Голицына и Троекурова³⁰.

Поступление в музей изразцов в связи со сносом зданий происходит все чаще. Справка директору музея «Коломенское», составленная архитектором Л.А. Давидом 28 октября 1937 г., о работе «по научному наблюдению за проведением работ по изъятию фрагментов бывшей церкви Адриана и Наталии (размеры, объем)» свидетельствует о подготовке к передаче в музей изразцов из церкви Адриана и Наталии на 1-й Мещанской ул.: «За время моего наблюдения (с 4 сентября 1937 г.) разобраны бригадой каменщиков и мною замерены и помечены: нижняя половина центральной главы, <...> керамическая облицовка восьмерика той же главы, керамическая летопись по трем сторонам 4-ка колокольни, отдельных изразцов 4 штуки. В настоящее время керамические детали изъяты бригадой и мной перемеченные сложены на крыше Трапезной части б[ывшей] церкви Адриана и Наталии и нуждаются в упаковке в ящики и скорейшей доставке в музей»³¹. Позднее, 12 ноября 1937 г., был составлен акт, зафиксировавший, что в музей «поступила из бывшей церкви Адриана и Наталии XVII в. (Москва, 1-я Мещанская ул.), <...> в том числе и надпись керамическая вокруг четверика колокольни»³². Впоследствии исследование изразцов из церкви Адриана и Наталии, в первую очередь керамической строительной надписи, позволило уточнить датировку храма³³.

Аналогичным образом был собран материал по многим другим утраченным памятникам Москвы с изразцовым убранством, фрагменты которого хранятся в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника (МГОМЗ). В результате предпринятых поисков и анализа собранной информации удалось впервые достоверно описать изразцовую облицовку многих утраченных объектов Москвы, таких, как церкви Николая в Столпах, Параскевы Пятницы в Охотном ряду, Адриана и Наталии на 1-й Мещанской ул., Ермолая на Садовой, Архидиакона Стефана в Заяулье; колоколен церкви Троицы в Зубове на Пречистенке, Николая Явленного на Арбате; зданий Сухаревой башни и Главной аптеки.

Таким образом, благодаря усилиям историков-славянофилов и краеведов, знатоков Москвы, творчеству реставраторов – творцов нового архитектурного стиля (русского историзма), просвещенным правителям России, музейным хранителям и просто собирателям-коллекционерам наука обрела значительный фонд источников (предметов и их изображений). Обстоятельства русской истории

последних 150–200 лет не всегда способствовали немедленному вводу этих источников в научный оборот. Но само их присутствие в собраниях в виде чертежей, рисунков, фотографий и архивных документов, не говоря уже о подлинных вещах, стало важным стимулом и одновременно научной базой при переходе к стадии фундаментального исследования русского изразца как исторического источника.

Примечания

- ¹ *Баранова С.И.* Миграция московских изразцов // Коломенское. Материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78.
- ² *Баранова С.И.* Изразец в позднесредневековой Москве: конец XV–XVII вв. М., 2013.
- ³ *Филиппов А.В.* Изразцовый наличник окна в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре и его отмывка. М., 1917. С. 3.
- ⁴ Подробнее см.: *Баранова С.И.* К истории создания изразцового декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. С. 205–213.
- ⁵ *Шмидт Е.* Гончарное искусство в древней Руси // Баян. 1914. № 2. С. 59.
- ⁶ *Султанов Н.В.* Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб., 1885. С. 30.
- ⁷ *Филиппов А.В.* Изразцовый наличник окна в Новом Иерусалиме... С. 4. Фрагмент изразца (фронтон наличника) из Воскресенского собора с пробами отмывки краски, выполненный А.В. Филипповым, хранится в собрании музея Московского государственного художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова (далее – МГХПУ им. С.Г. Строганова).
- ⁸ Московские ведомости. 1899. № 277. С. 3. На фотографии колокольни церкви Николы Явленного на Арбате в альбоме Н.А. Найденова под густой закраской с трудом можно рассмотреть следы рельефа изразцов. См.: *Найденов Н.А.* Соборы, монастыри и церкви. М., 1881. Ч. 3. Отд. 1. № 25.
- ⁹ *Филиппов А.В.* Древнерусские изразцы. М., 1938. Вып. 1. С. 6. Подробнее см.: *Баранова С.И.* Реставрационная деятельность А.В. Филиппова // Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. М., 2012. С. 367–381.
- ¹⁰ *Воронова Н.В.* Русские изразцы XVIII века // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 191.
- ¹¹ См.: *Баранова С.И.* Архитектор Ф.Ф. Рихтер – первый исследователь русского изразца // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2011. Вып. 2 (5). С. 163–179; *Она же.* Реставрационная деятельность Ф.Ф. Рих-

тера и возрождение символики эпохи Московского царства (на примере реставрации палат Романовых в Москве) // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Мат-лы XXII Междунар. науч. конф.* М., 2010. С. 145–148.

¹² *Рихтер Ф.Ф.* Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высеки и живописи. М., 1850 (шесть выпусков); 1851–1856 (по одному выпуску в год).

¹³ Там же. М., 1854. Тетрадь IV. С. 39.

¹⁴ *Забелин И.Е.* Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России // *Записки Императорского Археологического общества.* Т. 6. СПб., 1853. С. 238–338.

¹⁵ *Султанов Н.В.* Указ. соч. С. 1–64.

¹⁶ Подробнее см.: *Савельев Ю.П.* Творчество Н.В. Султанова // *Кремли России.* М., 2003. С. 441–482; *Михайлов Б.Б.* Церковь Троицы в Останкине. М., 1993. С. 61.

¹⁷ *Никитин Н.В.* Корреспонденция из Москвы // *Зодчий.* 1875. № 1. С. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² В настоящее время наиболее значительные коллекции, в которых представлен московский изразец, хранятся в собраниях Государственного Исторического музея (далее – ГИМ), музея «Московский Кремль», Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева (далее – ГНИМА им. А.В. Щусева), музея «Покровский собор», Музея истории города Москвы, Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII в.», музея МГХПУ им. С.Г. Строганова.

²³ *Дулькина Т.И.* История отдела керамики и стекла Государственного Исторического музея (конец XIX в. – 1950-е гг.). М., 2002. С. 18.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 20.

²⁷ Подробнее см.: *Баранова С.И.* Роль П.Д. Барановского в создании коллекции архитектурных изразцов Московского государственного объединенного музея-заповедника // *Шестые Всероссийские краеведческие чтения.* М., 2013. С. 250–259.

²⁸ *Грабарь И.Э.* Древние дома Голицына и Троекурова // *О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников.* М., 1969. С. 24. Статья была впервые опубликована в 1924 г. в журнале «Строительство Москвы» (1925. № 10. С. 11–15).

- ²⁹ Материалы исследований, обмеров, фиксации при разборке дворца Голицына и церкви Параскевы Пятницы хранятся в архиве ГНИМА им. А.В. Щусева (фонд П.Д. Барановского). См.: Оп. 9. Д. 92, 94, 96, 99, 101.
- ³⁰ Там же. Оп. 9. Д. 93. Л. 46. Дом Троекурова сохранился до настоящего времени.
- ³¹ Научный архив МГОМЗ (Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник). Оп. 1. Д. 143. Л. 51.
- ³² Акт постоянного приема МГОМЗ от 12.11.1937.
- ³³ *Баранова С.И.* Керамические «надписи» в декоре московских храмов XVII в. // *Российская археология.* 2011. № 2. С. 81–87.